

ГЛАВА 2

Неделю спустя Инь стояла перед могилами родителей на краю отвесного утеса. Далеко внизу у его подножие бились океанские волны, а тут, наверху, ветер трепал длинные пряди ее темных волос, перебирая бирюзовые бусы головного убора, и те издавали легкий перестук, словно капли дождя падали на крышу.

Она не сводила глаз с миниатюрного шатра, отмечавшего место последнего упокоения отца и матери. Его поставили по аньтажаньской традиции — пусть у умерших в загробном мире будет удобное жилище. Когда умерла мать, отец смастерил его сам. Инь тогда было всего восемь лет. Теперь и он навсегда поселился в этом крошечном доме.

Вздохнув, Инь подошла к самому краю утеса. Казалось, океан бесконечен. Даже вершин ближайшего острова, Хэма, было не разглядеть.

— Ты все еще должен мне столько историй, — прошептала она ветру в надежде, что тот отнесет ее слова отцу.

В юности отец отправился за моря, в легендарную столицу Фэй с пагодами до самого неба и сверкающими на солнце черепичными крышами, и там занял место среди величайших инженеров государства. Но он об этом никогда не рассказывал. При упоминании столицы в его глазах всегда мелькала печаль, и Инь знала, что память его омрачали призраки, о которых было больно вспоминать.

Теперь такие призраки поселились и в ее душе.

«Того, кто создан для полета, никогда не удержат морские волны», — говаривал отец. И вот она взлетела в небеса, но он этого уже не увидит.

Забравшись на большой валун, Инь достала из рукава складной веер и пальцами пробежала по краю, случайно обогренному кровью отца. Ее алый цвет уже успел потускнеть до ржаво-коричневого.

Едва придумав этот веер, она примчалась в мастерскую отца, возбужденно размахивая перед ним эскизом. Это был самый первый ее проект, целиком плод ее воображения. Сперва она показала его старшему брату, Вэню, но он лишь насмешливо хмыкнул при виде детского рисунка. Младшая сестра, Нянь, тоже взглянула, улыбнулась и продолжила кружиться вокруг ковра, не в силах сбросить наваждение барабанного ритма. Только не отец. Взглянув на эскиз, он ласково взъерошил ей волосы и похвалил за отличную выдумку, а потом они вместе принялись за работу. Голова к голове, они тщательно высверливали бамбуковые ребра веера, где потом поместились дротики.

Жители деревни осуждали отца за то, что он потакает ее капризам, но Инь была ему за это бесконечно

благодарна. Нечего было ожидать, что соседи смогут ее понять. А теперь ни одного из тех, кто мог, не осталось в живых.

Спрятав веер, Инь вытащила из кожаного кисета два предмета: кулон из черного нефрита и книгу в кожаном переплете — последний дар отца. Она собиралась поговорить о них с Вэнем и Нянь, но они были так заняты похоронами, что случай никак не представлялся.

«Сожги ее», — сказал отец. Но почему? Что губельного для всего клана могло в ней содержаться? И о каких таинственных силах он ее предупреждал?

Она провела кончиками пальцев по кромке потертого кожаного переплета, помнившего много дней и ночей, в которые отец не расставался с этой книгой. Ее лица коснулась невольная улыбка. Все отцовские книги из мастерской выглядели одинаково: потрепанные страницы, выцветшие чернила, а кое-где и следы слюны — порой, читая, он засыпал. *«Знания — вот что поддерживает жизнь нации, — сказал он однажды, — и только они позволяют человеку чувствовать себя по-настоящему живым».*

Инь в нерешительности задержала руку на обложке. Последние слова отца эхом отдавались в памяти. Именно от того, что она собиралась сделать, он ее предостерегал.

— Прости меня, — прошептала она.

Если отец хотел уничтожить книгу, то почему не сделал этого сам? Надеяться, что она даже не попытается выяснить, что стоило ему жизни, означало бы ожидать от нее чересчур многого.

Разве чтение может принести вред?

Затаив дыхание, она робко открыла книгу на первой странице.

Та была исписана аккуратным почерком отца. Похоже, это была одна из его записных книжек. Он тщательно заносил в них ход каждого эксперимента, каждую идею, каждый плод своей бурной фантазии.

Инь быстро пролистала книжку, мрачней с каждой страницей. Многие записи были для нее слишком сложны. И тут она обнаружила между страницами аккуратно сложенный кусок пергамента, на первый взгляд совершенно безобидный. Но, взглядевшись в угловатые линии замысловатых рисунков, крошечные подписи и уравнения, объяснявшие каждую деталь, она наконец осознала истинный смысл последних слов отца.

В этом она разобраться может.

Пушки и порох.

Оружие.

Предвестники смерти и разрушения.

«Древесный уголь, смешанный с молотыми камнями Шань Эр и комбинацией следующих высушенных трав...» — прочитала она. Рецепт пороха. Однако не обычный, известный ей состав. Отец внес изменения и добавил новые компоненты. О некоторых она даже не слышала.

— Зачем добавлять это в порох? — бормотала она, прикрыв пальцами иероглифы, из которых складывались слова «руда Минлунь».

О печально известной руде Минлунь, или Дьявольской руде, рассказывали легенды по всем Девяти островам. Ее почти полвека назад впервые обнаружили заключенные в шахтах Цзюйваня. Они искали источник

цзяэня — чрезвычайно ценного подъемного газа, который поддерживал в воздухе дирижабли Ордена Кобры. Вместо цзяэня один бедолага наткнулся на таинственную серебристую жидкость, сочащуюся из трещин в подземных пещерах. Завороженный ее потусторонним мерцанием, он протянул к ней руку. Его товарищи услышали истошный вопль, эхом прокатившийся по туннелям, а когда несчастного нашли, его руку сплошь покрывали огромные кровоточащие язвы. Не миновать ему смерти на месте, если бы мастер не сообразил немедленно отрубить руку страдальцу.

Едкая жидкость, из которой добывалась руда, могла стать смертоносным оружием. Проблема заключалась в том, что месторождения ее были крайне редки, а перевозить ее было не в чем, так как она быстро разъедала емкость из любого материала. Мастера из Гильдии инженеров годами безуспешно пытались найти решение.

Инь недоумевала. Дьявольская руда могла уничтожить в считанные минуты что угодно. Очевидно, применять ее было невозможно. Зачем же отец смешивал ее с порохом? Возможно, в других загадочных рисунках и уравнениях книги содержался ключ к этой загадке.

Хотя Инь была в состоянии разобраться лишь в малой части рисунков и схем отца, она понимала значение его трудов. Мелкие изобретения и механизмы, заполнявшие его мастерскую, меркли рядом с содержанием этой книги. Это была книга об оружии — и уже было ясно, насколько оно разрушительно.

Оружие войны было ключом к власти.

И из-за этого ты умер? Из-за того, что кто-то очень рвался к власти?

По щеке поползла слеза, и капля упала на отцовский рисунок, смазав линии.

— Только не это!

Она быстро промокнула страницу, не желая оставлять ни малейшего пятнышка на последней работе отца. И тут она заметила, что крошечное влажное пятно сделало пергамент полупрозрачным и сквозь него проглядывают другие записи.

Инь перевернула лист. На другой стороне помещалось послание, но почерк был ей незнаком. Четыре строчки непонятного кода и несколько уравнений, начертанных мелким ровным шрифтом с изящными изгибами.

Кто-то еще это видел. Кто-то еще работал с отцом надо всем этим — но кто? На Хуайжэне никто, кроме них с отцом, инженерным делом не занимался.

Инь аккуратно сложила пергамент по старым сгибам и спрятала между страницами записной книжки, затем взяла в руки нефритовый кулон и принялась изучать замысловатый узор, вырезанный на гладкой обсидианово-черной поверхности.

Это был необычный нефрит. Хотанский нефрит — приятно теплый на ощупь, в отличие от прохладного нефрита других типов. На камне не было никаких символов, в отличие от фамильных кулонов благородных кланов Аньтажаня. Только изображение дракона, обнажившего острые клыки и занесшего когти для удара. Символ агрессии и превосходства — как же далеко от дома он оказался! Мифический дракон, символ

королевской семьи Цилянь, эмблема государя Великой Нефритовой империи, величайшего врага Аньтажаньских островов.

Отношения между Девятью островами и их более богатым соседом всегда были на грани конфликта. Благодаря плодородным лугам и мягкому климату жизнь у циляньцев Великой Нефритовой империи была куда легче, чем у аньтажаньцев, часто страдавших от неурожая и нехватки ресурсов. Аньтажаньцы закупали у циляньцев предметы первой необходимости и потому зависели от их милости. Если бы не коварные воды океана, отделявшие острова от ближайшего циляньского пограничного города Фули, возможно, они уже давно были бы завоеваны Империей.

Но это же абсурдно!

Даже если работа отца имела огромную ценность, как могла Империя узнать о ней, находясь так далеко? На Хуайжэне бывали лишь торговцы с других островов, да и то в основном с самых ближних — Хэма и Яньцзюй.

Если Фэй был недостижимой мечтой, то Империю даже представить себе было невозможно. В книгах Инь попадались туманные описания ее богатства и упадка, но это были лишь фантазии, реальные не более, чем жизнь в заоблачных высях.

Инь продолжала вглядываться в кулон, словно надеялась, что дракон вдруг заговорит и развеет все ее сомнения, надо лишь подождать подольше. Но существо оставалось безмолвным. В отчаянии Инь сжалась в комок. Слишком мало она знает, чтобы разгадать эту тайну. Неужели ей придется отступить, сказать

отцу последнее «прости» и оставить его смерть неотомщенной?

Но тут девушка вспомнила, как угасал огонь в глазах умирающего, вспомнила кинжал, безжалостно вонзенный ему в сердце. Жизнь отца оборвали так жестоко, и все ради неоконченных записей и выгоды, которую они сулили.

Инь поднялась с могилы, и отчаяние в глазах сменилось твердой решимостью. Она окинула взглядом заснеженные равнины Хуайжэня, белые шатры родной деревушки и таинственно мерцающую гладь моря.

Того, кто создан для полета, никогда не удержат морские волны.

Так учил ее отец, и эта мантра давно укоренилась в ее сердце.

Инь оседлала лошадь, свирепую белую кобылу Аянь — Молнию, и галопом понеслась по извилистой тропе, ведущей обратно в деревню. Она натянула поводья, лишь добравшись до семейного шатра, самого большого в деревне, как и подобает главе клана.

Аньхуэй Вэнь, ее старший брат, раздавал группе сородичей указания по поводу предстоящей церемонии, на которой его провозгласят вождем клана. Сегодня он не распустил косы, как обычно, а собрал их на затылке, аккуратно закрепив бронзовым кольцом. В торжественной мантии серого меха, подбитой овечьей шерстью, он выглядел взрослее своих двадцати четырех лет.

Как отец, подумала она. Брат всегда был очень похож на отца — тот же жесткий подбородок и густые брови, — но внешностью сходство и ограничивалось.

Когда Инь ворвалась в шатер посреди беседы, в глубоко посаженных глазах брата мелькнуло недовольство. Он быстро отпустил соплеменников.

— Сколько раз напоминать, как приличествует себя вести молодой особе? Когда ты станешь чьей-то женой, тебе придется забыть свои беспечные выходки. Твоя новая семья не будет потакать тебе, как это делали мы.

— Братец, я здесь не для того, чтобы все это выслушивать, — отвечала Инь, подходя ближе. Она с размаху опустила на стол нефритовый кулон. — Взгляни на резьбу. Дракон — символ Империи, не так ли?

Вэнь взял кулон в руки и всмотрелся в резную поверхность.

— Откуда он у тебя? — спросил он.

— Я отняла его у убийцы отца.

Темные зрачки брата превратились в точки, длинные пальцы обхватили кулон, пока он полностью не скрылся у него в ладони.

— Почему ты не показала мне его раньше?

— Это Империя, ведь так? Это они убили его! — воскликнула Инь. — Надо что-то делать.

— Делать что? — резко ответил Вэнь и крепко сжал челюсти; мышцы заметно напряглись под смуглой кожей. — Нельзя делать вывод на основании одной безделушки. — Он бросил черный нефрит на стол, словно бесполезный обломок щебня.

— Мы не можем позволить, чтобы отец умер неотомщенным! Кто бы ни стоял за этим, он должен заплатить.

Мы заслуживаем справедливости. — Она говорила громче и громче, а в сердце ее рос гнев. Гнев на убийцу. Гнев на себя — за то, что не сделала больше.

Брат помрачнел и поднялся с кресла, сразу став на две головы выше нее. Когда они были младше, отец называл Вэня «маленьким бычком», что его очень сердило. Он обижался на обе части этого прозвища — едва ли справедливо было называть его «маленьким», да еще сравнивать со скотиной.

— В день, когда это случилось, мы отправили на поиски целый отряд. Они не нашли никаких следов преступника. Кем бы он ни был, скорее всего, он уже покинул Хуайжэнь, а у нас нет средств на дальнейшие поиски. Возможно, это был случайный воруга или один из тех моряков-беженцев, что прячутся от пиратов. Этот кулон ничего не значит. Что случилось, то случилось. Отец и мать хотели бы, чтобы мы как можно скорее вернулись к обычной жизни.

— Ничего подобного! Все не так... — Инь почти шипела. Если бы родители хотели, чтобы они «двигались дальше» и жили обычной беззаботной жизнью, они бы не ушли *так и тогда*.

— Я больше ничего не могу сделать, — ответил Вэнь, отводя взгляд. С кулоном в руках он подошел к деревянному шкафу рядом с семейным алтарем, где перед свитком, недавно помещенным в память об отце, курились палочки благовоний. Он запер камень в шкаф, взмахом руки указал ей на дверь и вернулся к многочисленным пергаментам, разложенным на столе.

— Возвращайся в свой шатер, Инь. Через неделю к нам в деревню прибывает вождь клана Ула. Это

дипломатический визит, и нам предстоит многое обсудить. Я не желаю больше слушать эти глупости. Не заставляй мать и отца на небесах беспокоиться о тебе.

Сжав кулаки, Инь бросила еще один взгляд на шкаф, куда Вэнь запер нефритовый кулон, развернулась и выскочила из шатра.

Ночью Инь без сна ворочалась в постели. меховое одеяло, обычно такое теплое и уютное, кололо и раздражало. В конце концов она скинула его, и теперь оно лежало на полу бесформенной грудой.

— Тебя что-то беспокоит, сестрица? — донесся с другой стороны их общей комнаты нежный голос младшей сестры.

Инь села в постели и в темноте попыталась разглядеть Нянь, но увидела лишь смутный силуэт.

— Нянь, ты не задумывалась о смерти отца? — спросила она.

— В каком смысле? — в словах Нянь послышалась печаль.

— Неужели ты не хочешь узнать, кто за этим стоит? Отомстить за то, что преступник сделал с отцом, со всеми нами? — Инь припомнила бесполезный разговор с братом, и в душе ее вновь поднялась буря. С ним разговаривать — все равно что биться о скалу головой.

Наступило недолгое молчание, затем под скрип деревянной кровати тень шевельнулась. Очаг посреди их шатра еще не погас, и от него исходило теплое сияние.

Нянь налила в бронзовый котелок немного козьего молока и повесила его на треногу над углями, затем села и подтянула колени к груди.

— Конечно, хочу, — тихо ответила она. — Но ведь брат уже сделал все что мог, разве не так? Им не удалось найти убийцу. Он давно сбежал. — Нянь плотно сдвинула брови, так что между ними возникли крошечные складки, и в этот момент Инь увидела на лице сестры тень отца.

Между родными сестрами было мало сходства. Инь унаследовала нежную красоту матери, а Нянь, как и Вэню, достались более суровые и угловатые черты отца. По характеру и склонностям они различались, как солнце и луна. Красочные вышивки, развешанные по стенам их жилища? Это все Нянь, чьи ловкие пальцы ткали превосходные ковры и извлекали из цитры мелодии, от которых плакали даже небеса.

Иногда Инь завидовала сестре, ее податливости и безмятежности — такие черты характера всем нравились. Саму ее в целом вполне устраивало, что жители деревни прозвали Инь «бешеной кобылицей». Да, она девчонка, но с чего это она должна следовать всем этим ограничениям и запретам?

— И ты ему веришь? — усмехнувшись, спросила Инь.

Она знала, что творится в голове у брата. Для него важнее не искать справедливости, отомстив за безвременную смерть отца, а занять место главы клана. Она его презирала.

— А почему бы и нет? Брат опечален смертью отца не меньше нас с тобой.

— Я не сомневаюсь в его печали, я сомневаюсь в его решимости. Он будет скорбеть, но не станет искать отмщения, тем более если это помешает ему занять кресло отца. — Инь сползла с кровати и уселась рядом с сестрой. Взгляд ее ожесточился, и она уставилась на мерцающее пламя, словно надеялась разглядеть среди раскаленных углей убийцу.

— Чего ты от него требуешь? Разбойника давно и след простыл.

— Не совсем. У меня есть улика, и она может привести нас к преступнику. Разве мы не обязаны ее использовать? — Инь стиснула кулаки. Вина и досада на себя за то, что она упустила убийцу, вновь охватили ее. — Разве не в этом наш долг — попытаться найти ублюдка и добиться, чтобы его настигло возмездие? Мы не можем просто так оставить смерть отца!

— Что за улика? — спросила Нянь.

Инь торопливо описала кулон.

— Дракон?

Инь кивнула.

— Символ империи Цилинь, — добавила она. — След не простыл, Нянь. Вэнь просто отказывается это признавать. Он не хочет лишних проблем. Он трус!

— Ш-ш-ш! — прошептала Нянь, прижав палец к губам. — Ты же понимаешь: если Вэнь услышит, ему это вряд ли понравится.

Но Инь совершенно не беспокоило, услышит ли ее старший брат. Под ночными одеждами прямо к сердцу был прижат дневник отца. Какое счастье, что днем она не рассказала о нем Вэню! Не хватало еще, чтобы он и дневник отнял.

Нянь разлила подогретое молоко в две фаянсовые чаши и передала одну из них Инь.

— Предположим, мы уверены, что негодяй прибыл из Великой Нефритовой империи. И что мы можем сделать? — спросила она с тихим вздохом. — Это Ху-айжэнь, сестрица. Мы даже берега Фэя в глаза не видели.

— Знаю, знаю, — раздраженно ответила Инь. Как обычно, голос разума принадлежал Нянь, но Инь, как и всегда, отвергала самый разумный путь. — Но как я могу сидеть здесь как ни в чем не бывало, зная, что *ничего* не сделала? Пусть не Империя, но как насчет Фэя? Отец много лет проработал в Гильдии инженеров. Может, там удалось бы что-нибудь разузнать.

В мыслях она вернулась к загадочному посланию и уравнениям, начертанным чьей-то рукой — рукой того, кто вполне мог скрываться в Гильдии. Только бы найти этого человека, и она станет на шаг ближе к загадке.

— Ты хочешь отправиться в Фэй? Одна? — Нянь в ужасе уставилась на старшую сестру. — Это невысказано! Брат ни за что тебе не позволит.

— Не будет знать — не сможет помешать.

Нянь поставила чашку, переплела пальцы и принялась грызть ногти — как всегда, когда нервничала.

— Но это опасно. Первого бейла только что изгнали — Верховное командование еще не укрепило свои позиции. Кто знает, что может произойти, пока ты будешь в столице? Что, если произойдет переворот?

— Нянь, что за бред? Верховный главнокомандующий все еще у власти. Ничего там не случится.

Инь глубоко вдохнула, задержала дыхание и медленно выдохнула. Легко отмахнуться от страхов Нянь, но со своими справиться не так просто.

Но раз Вэнь отказывается помочь, придется искать преступника самой.

Когда она соберет достаточно доказательств, брат уже не сможет от нее отмахнуться.

— Ты можешь поклясться, что все это — не предлог, чтобы записаться в Гильдию? — сестра пристально смотрела ей в глаза.

Ни для кого не было секретом, что Инь, как некогда ее отец, мечтала вступить в престижную Гильдию инженеров. Она ежегодно умоляла отца позволить ей пройти вступительное испытание, и каждый раз он жестко напоминал ей, почему это невозможно. В Гильдию принимали только мужчин, и она никак не соответствовала этому критерию. А Вэнь ехидно добавлял: «Даже если бы тебя допустили, тебе в жизни не пройти испытание».

Инь поджала губы. Мысль о Гильдии приходила в голову, но не стоило напоминать, что ей никогда не войти в эти залы. Традиции, пусть устаревшие и бессмысленные, оставались в силе.

— Вступительные испытания все равно, наверное, уже начались, — недовольно проворчала она. — Я просто отправляюсь в Фэй и отыщу там кого-нибудь из старых знакомых отца по Гильдии. Вдруг кто-то что-то знает, хоть какую-то причину, по которой его могли убить. — Стоило вспомнить, как угасал свет в глазах отца, и горло снова перехватило. Боль от воспоминания была острее ножа. — Что, если, пребывая в Гильдии,

он обидел могущественного эмиссара Империи? А может, какой-нибудь цилиньский наемник пронюхал о его инженерных изысканиях и захотел выгодно их перепродать? Как ты думаешь, вдруг именно поэтому он внезапно покинул Фэй и никогда не хотел об этом рассказывать? — Она понимала, что несет чушь, что в ее предположениях нет логики, но эмоции брали верх.

— Если в твоих словах есть хоть толика истины, стоит ли тебе бродить по Фэю в поисках убийцы, кем бы он ни был? — Нянь смотрела с беспокойством, тонкие пальцы крепко сжимали чашку. — Ты не бывала там раньше, сестра, и никто не защитит тебя, если ты попадешь в беду.

Инь хотела было улыбнуться, чтобы подбодрить сестру и снять напряжение, но улыбка вышла кривоватая.

— Все будет в порядке. Я переоденусь мальчишкой — странствующим торговцем, как в тот раз, когда мы с отцом ездили на остров Хэма, и буду вести себя как можно незаметнее. Да, я плохо дерусь и не владею мечом, но у меня есть мой веер, забыла? Я могу за себя постоять.

Нянь открыла было рот, чтобы возразить, но тут же раздумала. По глазам было видно: она сдалась.

— Когда ты отправишься в путь? — спросила она.

Инь удивленно моргнула.

— Ты что же, не будешь меня отговаривать?

Младшая сестра покачала головой.

— Мы обе знаем, что все уже решено, верно?

Инь была известна своим упрямством.

Она печально улыбнулась и положила голову сестре на плечо. Тепло убаюкивало, напоминая, что она не одна

в этой борьбе. Инь поднесла чашку к губам и сделала глоток. Мать точно так же грела молоко, когда они не могли уснуть по ночам. Если бы только мама была здесь, то погладила бы дочь по спине и сказала бы, что все это лишь ночной кошмар, а утром он растает без следа!

— На следующей неделе прибудет клан Ула. Вэнь будет слишком занят, пытаясь впечатлить их вождя, чтобы думать о чем-либо еще, — произнесла Инь. — Я сбегу, когда всем будет не до меня. Если Вэнь спросит, сделай вид, что ничего не знаешь. Он решит, что я уехала на Хэма — очередная своенравная выходка.

— Чем я могу помочь? — серьезным голосом спросила Нянь, не отводя глаз от старшей сестры.

Инь уже собиралась ответить «ничем», но прикусила язык.

— Вэнь отнял у меня нефритовый кулон, который я выхватила у убийцы. Он запер его в шкафу рядом с алтарем. Ты можешь добыть ключ?

Нянь собирала одежду всей семьи в стирку, а значит, имела постоянный доступ в шатер Вэня, к его вещам.

Не раздумывая, сестра кивнула.

— Обещай, что не будешь рисковать понапрасну, — попросила она. — Как только что-нибудь обнаружишь, сразу же сообщи, чтобы мы могли помочь, хорошо? Я сделаю все, чтобы убедить Вэня, обещаю.

Инь потянулась к Нянь и нежно взъерошила ей волосы.

— Кто из нас старшая сестра? — проворчала она.

— Мы давно установили, что Ка Хань ошибся, благословляя порядок рождения в нашей семье, — пошутила Нянь. — Когда ты будешь в отъезде, не беспокойся

о том, что происходит здесь. Я присмотрю за малышами, хотя уверена, что Минь будет постоянно требовать тебя. Он тебя просто обожает. Вэнь пытается обучать его боевым искусствам, а ему одного надо — прыгать со скал, как его безрассудная старшая сестра. Честно говоря, я не уверена, что наш клан сможет вынести еще одну Аньхуэй Инь.

Сестры хихикали, как в детстве холодными ветренными ночами, и ни одна из них не знала, когда им вновь доведется смеяться вместе.

В ясный безоблачный день делегация Ула с большой помпой прибыла в гавань Хуайжэня. Внушительное судно с четырьмя величественными парусами и паровыми винтами, взбивавшими огромные пенные буруны, возвышалось над торговыми суденышками, словно гордый павлин. С наступлением сумерек были разведены костры, и музыканты забили в барабаны, возвещая о начале праздника в честь высоких гостей. Веселье развернулось на полях вокруг деревни: танцоры кружились вокруг костров, юбки развевались, колокольчики звенели, а жители деревни пировали, и эхо разносило их буйные голоса на всю округу.

Деревня опустела — все собрались вокруг костров и накрытых столов. Никто не заметил, как легкая фигурка в темноте прокралась в шатер вождя.

Чтобы не выделяться в толпе мужчин, Инь сменила свой обычный наряд на одежду мальчишки — так

она обычно одевалась, выезжая с отцом за пределы Хуайжэня. Она заплела множество простых кос, как у Вэня, без всяких украшений из бисера, приличествующих девушке; на щеках и губах — ни тени румян и помады.

Этой ночью с Хуайжэня уходил грузовой корабль, а такие суда обычно брали пассажиров за плату. Девушка надеялась, что, переодевшись мальчишкой, она доберется с Хуайжэня до Фэя, не привлекая к себе излишнего внимания, — одинокие путешественницы встречались на Аньтажаньских островах гораздо реже.

За спиной Инь несла туго стянутый узелок — несколько смен белья и горсть серебряных таэлей, прибереженных как раз для такого случая. Веер был убран в рукав, а отцовская записная книжка спрятана глубоко под одеждой, у самого сердца, которое сейчас бешено колотилось. В руке она сжимала связку бронзовых ключей — Нянь стащила их у брата только нынешним утром.

Убедившись, что поблизости никого нет, Инь проскользнула в покои Вэня и сразу направилась к шкафу. Ей пришлось перебирать ключ за ключом, пока четвертый не щелкнул в тяжелом висячем замке. Кулон из черного нефрита лежал на том же самом месте. Инь хмыкнула. Как и следовало ожидать, стоило ей уйти, Вэнь и думать о нем забыл.

Но тут ее внимание привлекло еще кое-что. Кулон придавливал конверт цвета слоновой кости, словно тяжелое пресс-папье, скрывающее секреты.

Инь спрятала кулон в складках плаща, а затем взяла конверт. Имени адресата на нем не было.

Любопытно.

Инь огляделась. Вокруг было тихо. Она открыла конверт и осторожно достала письмо. Ровные и четкие штрихи кисти покрывали лист рисовой бумаги.

«Не пытайтесь выяснить обстоятельства смерти Аньхуэй Шаньцзиня, иначе клан Аньхуэй не выйдет из этой бури невредимым, а кровь ваших соплеменников будет на ваших руках».

Всего несколько простых иероглифов, но какая в них свинцовая тяжесть!

Вот почему Вэнь отказывается от расследования. Он боится.

Инь дрожащими пальцами сжимала угол тончайшего листа. Вновь и вновь перечитывала она короткие строки, пока взгляд не остановился на печати в левом нижнем углу. Никаких указаний на отправителя — только квадратный кроваво-красный оттиск, напоминающий фамильную печать одного из благородных кланов. Она подняла бумагу к глазам и прищурилась, разглядывая сетку линий в границах печати. Похоже на условное изображение животного с единственным иероглифом «ша», вписанным в зияющую пасть. Ниже она разглядела крошечные, едва различимые иероглифы: *«Того, кто создан для полета, никогда не удержат морские волны».*

В горле у девушки пересохло. Она не могла не узнать эти иероглифы — именно эту фразу она бесчисленное количество раз писала, упражняясь в каллиграфии.

Это был девиз Гильдии инженеров. Девиз, с которым шел по жизни ее родной отец.

Кто-то, связанный с Гильдией, предостерегает брата — нет, угрожает ему, чтобы тот не искал справедливости,

не мстил за убийство отца, а затем подписывается мантрой, которой покойный так дорожил. Ирония судьбы.

Гнев и обида застыли в жилах Инь, лишь укрепив ее решимость. Надо найти виновника трагедии. Она сунула письмо обратно в конверт и спрятала его под плащ, рядом с нефритовой подвеской. Ее ждал корабль, направлявшийся в столицу Фэй — и в Гильдию инженеров.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

